

АЛЕКСАНДР СУЛИМИН

# Концептуальный смысл теории модернизации

В последнее время понятие «модернизация», наряду с «инновациями», стало самым модным в лексиконе российской элиты. Как и в начале XX века говорится о необходимости модернизации всех сфер общества, скорейшего перехода функционирования политических институтов страны на путь западной демократии. Однако мало кто задумывается, в чем заключается концептуальный смысл самой теории модернизации, ее цели, задачи и идеологическая платформа. На эти вопросы я и попытаюсь дать хотя бы самые общие ответы в настоящей статье.

Теория модернизации стала складываться в 1950—1960-х годах. В сфере внимания социальных и политических наук оказались процессы политических изменений, и в первую очередь касавшиеся политических систем и политических режимов. Прежде всего исследователей интересовало, изменения какого рода следует оценивать как показатели развития политической системы, а какие — как свидетельства регрессивных явлений. Для этого следовало выработать критерии современных политических систем и с позиций этих критериев определять характер происходящих перемен. Так возникли теории по-

литического развития. Постепенно в центре внимания исследователей оказалось содержание процессов перехода к современным политическим системам, под которыми в первую очередь понимались демократии. Процессы перехода к демократии и получили название политической модернизации.

Концептуальной задачей теории модернизации было стремление обосновать социально-политическую и экономическую отсталость стран незападного типа. Подразумевалось, что главный импульс к изменениям исходит от Запада, а Восток лишь реагирует на него — иногда медленно, иногда быстрее. Поскольку нигде на Востоке «реакция» на «вызов» не привела к появлению институтов выраженного западного типа, в целом она была признана неудачной и неадекватной. В качестве причин указывались косность восточных обществ, их инерционность, нединамичный характер и т. д.<sup>1</sup>

Уже с 1960-х годов описанная схема начинает подвергаться критике, а еще десятилетие спустя Дж. Хеес-

<sup>1</sup> См. J. K. Fairbank, E. O. Reischauer, A. M. Craig. East Asia: The modern transformation. Boston, 1965. P. 16.

терман, П. Коэн и Ф. Моулдер окончательно доказали ее непродуктивность<sup>2</sup>. Ведь в ее рамках развитием на Востоке считалось лишь то, что было реакцией на Запад, главным образом имитативной. Вне сферы исследований оказывалась та часть азиатских обществ, которая не контактировала с Западом. Целостная социальная реальность дробилась на части, а затем на основе сравнения этих частей отыскивались и описывались различные несходства. При этом часто одни и те же факторы, выхваченные из контекста, фиксировались в качестве причин развития одних обществ и отсталости других.

На рубеже 1950—1960-х годов описанную схему вытеснила концепция модернизации, или концепция ТОМ («традиционное общество — модернизация»; варианты: «традиционное общество — современное общество», «традиция — модернизация», «доиндустриальное общество — индустриальное общество»). Под *традиционным* обществом понималось общество преимущественно аграрное, в котором господствуют доньютоновские наука, технология и представления о мире. *Современное* общество в рамках такого понимания — это промышленное общество<sup>3</sup>.

Означенная концепция складывалась как одна из теорий общественно-исторического развития, согласованных с парадигмой прогрессивных изменений, очерченной философией Нового времени. Развитие всех стран и народов рассмат-

ривалось как универсальное, то есть происходящее в одном направлении, имеющее одни и те же стадии и закономерности. В этом отношении она как бы восприняла господствовавшие в марксистской теории взгляды на смену общественно-экономических формаций. Такое уподобление не было случайным, поскольку различные теоретико-методологические версии модернизации во многом первоначально формировались в виде ответа на вызов (нео)марксизма и в связи с этим вольно или невольно воспроизводили некоторые черты теории общественно-экономических формаций. Наличие национальных особенностей в общественном развитии признавалось, но считалось, что они имеют второстепенное значение.

Большинство авторов теории модернизации исходили из идеи технологического детерминизма, считая, что в основе общественных изменений лежит процесс в экономике и технологии, ведущий к повышению жизненного уровня и решению социальных проблем. Сама модернизация представлялась как процесс развития в одном направлении — от традиционного общества к современному по следующим параметрам: от высокой степени социальной однородности к высокой степени социальной неоднородности; от простой социальной структуры к усложненной; от внеэкономического характера общественной интеграции к экономическому; от этатизма к рыночной экономике; от человека как части природы, нетворца — к человеку-изобретателю; от унифицированных форм сознания к плюрализму; от феноменальной устойчивости к постоянной изменчивости; от тоталитаризма и авторитаризма к демократии. Дан-

<sup>2</sup> См.: J. S. Heestermann. Was there Indian reaction? Western expansion and reaction: Essays on European expansion and reaction in Africa and Asia. Leiden, 1978; P. Cohen. Rediscovering history in China: Amer. Historical writing on the recent Chinese Past. N. Y., 1984. P. 19.

<sup>3</sup> См. А. Фурсов. Операция «Ориентализм». М., 2004. С. 11.

ные изменения взаимосвязаны, и если связь между ними нарушается, то результаты модернизации оказываются частичными и ограниченными.

Основные принципы эволюционистского подхода на ранней стадии формирования теории модернизации были заложены основоположником структурного функционализма американским социологом Т. Парсонсом, выделявшим пять модельных дихотомий:

— аффективная активность — нейтральность (дифференциация по ориентации на деятельность, дающую непосредственное эмоциональное удовлетворение или приводящую к нему в отдаленной перспективе);

— ориентация на предписанный статус — ориентация на достигаемый статус (дифференциация по оценке индивида в зависимости от его личных достижений или групповой принадлежности по факту рождения);

— партикуляризм — универсализм (дифференциация по факторной значимости личных отношений с партнером);

— диффузность отношений — специфичность отношений (дифференциация по характеру восприятия партнера — во всей полноте личностных проявлений или в соответствии с актуальной для производственного процесса конкретной социальной ролью);

— коллективизм — индивидуализм<sup>4</sup>.

В соответствии с эволюционистской концептуальной парадигмой все эти индикаторы интерпретировались как различия в уровнях развитости. Сообразно с этой логикой особенности этапов развития не восприни-

мались как имманентное качество той или иной культуры, переходя в свою противоположность по мере эволюции от традиционного к современному типу общества.

Современность характеризовалась аффективно-нейтральной активностью, ориентацией на достигаемый статус, универсализмом и специфичностью отношений. Пятый параметр, определяемый через дихотомию индивидуализма и коллективизма, был в дальнейшем исключен самим Т. Парсонсом из числа образцовых переменных. Вероятно, это было связано с опытом развития социалистических государств, продемонстрировавших возможность и коллективистских форм организации труда<sup>5</sup>.

Характерно, что в этот же период (1950—1960-е годы) в СССР и других странах коммунистического блока были созданы концепции «некапиталистического пути развития» и «социалистической ориентации» стран третьего мира, имевшие немало общего с западными доктринами «политического развития» и «модернизации». Разработчики этих конструкций также исходили из некоей «идеальной модели» последовательного и линейно-поступательного продвижения к обществу «современному и прогрессивному», социализму советского типа, но при этом иначе решая задачи технологической, индустриальной перестройки, экономической модернизации, проведения институциональной реформы, включающей построение «авангардной партии» и «государства социалистической ориентации», и наконец, внедрение марксистско-ленинской

<sup>4</sup> См. Т. Парсонс. Система современных обществ. М., 1998. С. 175.

<sup>5</sup> См. В. И. Якунин, В. Э. Багдасарян, В. И. Куликов, С. С. Сулакшин. Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества. М., 2009. С. 127.

идеологии. В качестве примеров «некапиталистического развития» приводился довоенный опыт Монголии, Бухары, Хорезма, Тувы — так же, как и послевоенный — деколонизации и выбора пути развития ряда стран Тропической Африки (Танзании, Конго и др.), Азии (Бирма) и т. д.

По поводу идеологической подоплеку теории модернизации американский профессор К. Калхун откровенно пишет: «Касательно модернизации очень важно понять, что это — американская теория, которая возникает именно после победы во Второй мировой войне. Это был проект американской либерально-центристской интеллигенции. Идея заключалась в том, что теория модернизации должна распространиться из Америки прежде всего на Западную Европу, где она разрабатывается, хотя развивается в Соединенных Штатах; она должна быть принята в других странах. Конечно, я имею к этому отношение, но не личное: я был слишком молод в те времена. Но центральным агентством по разработке теории модернизации был Совет по социальным наукам. То есть это были мои предшественники на моем посту президента и многие из старших сотрудников моего учреждения»<sup>6</sup>.

Таким образом, теория модернизация создавалась как идеологическая платформа экспансии капиталистического мира, противостоящая социалистической модели и обосновывающая необходимость всех стран следовать по западному пути развития. В 1960 году в работе «Стадии экономического роста: Некоммунистический Манифест» У. Ростоу выделяет пять основных стадий развития:

— традиционное общество с примитивной технологией, преобладанием земледелия и семейно-клановых связей;

— переходное общество, появляющееся как реакция отсталой Периферии на развитие передовых стран Центра;

— взлет, связанный с индустриализацией, урбанизацией и накоплением;

— движение к зрелости, многоотраслевой и технологичной структуре экономики;

— общество массового потребления, где экономическая структура смещается в направлении сферы услуг и производства потребительских товаров длительного пользования.

Позднее им была выделена и шестая стадия «поиска качества» социальной жизни. Высшие фазы, по мнению У. Ростоу, достигнуты Северной Америкой, страны же Западной Европы находятся в движении к пятой стадии, что для всех остальных стран является перспективой — близкой или далекой<sup>7</sup>.

Таким образом, модернизация в рамках подобного взгляда представляется «вестернизацией», то есть непосредственным копированием социального опыта западной системы в инокультурной среде.

В рамках модернизационного подхода особое место занимали структурные теории процесса перехода к демократии. Б. Мур отмечал, что переход к демократическому обществу, несомненно, должен проецировать развитие социальной структуры западного общества, господство буржуазии и т. п. Концепция модернизации не исчерпывалась вестернизацией социальной и политической структур

<sup>6</sup> К. Калхун. Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал. Лекция. — [www.dogendocs.ru/docs/index-242600.html](http://www.dogendocs.ru/docs/index-242600.html)

<sup>7</sup> См. W. Rostow. Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960.

общества в процессе перехода к его современному состоянию.

Наиболее изученным оказалось влияние уровня экономического развития на возникновение демократии. В конце 1950-х годов американские ученые Д. Лернер и С. Липсет, стоявшие на позициях социально-экономического подхода, усматривали истоки демократии в экономическом росте, уровне ВВП на душу населения, в среднем классе, уровне неравенства и дифференциации доходов, выдвинув гипотезу, согласно которой успешный экономический рост приводит к плюрализму и обуславливает возникновение демократического режима<sup>8</sup>.

Данная концепция прямолинейного характера взаимосвязи экономического развития и демократии еще в 1960-е годы была оспорена некоторыми исследователями на Западе. До сих пор в теории и практике политического развития фактор наличия демократии является ключевым для определения уровня развития того или иного государства. Однако статистика свидетельствует, что если в 1820 году на долю мир-экономики западного сообщества (США, Европа, Австралия, Канада) приходилось 25 процентов мирового национального продукта, тогда как Азии — 58 процентов, то к середине XX века мировые пропорции стали прямо противоположны. Запад давал 56 процентов мирового дохода, в то время как Азия — только 19 процентов. После этого соотношение экономического распределения сил в мире вновь начало меняться. К началу 1990-х годов доля Азии в мировом национальном доходе составляла уже 33 процента, а Запада — 45 процентов. Согласно же прогнозам

<sup>8</sup> См. С. М. Липсет, К.-Р. Сен, А. Ч. Торрес. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии. — «Международный журнал социальных наук». 1993. № 3. С. 15.

Института международного развития Гарвардского университета, по истечении первой четверти XXI века на азиатские страны будет приходиться 55—60 процентов общемирового валового национального продукта, тогда как на западные — 20—30 процентов<sup>9</sup>.

В противовес линейной западной парадигме социально-экономического развития либерально-демократических институтов, набирающие большой вес флагманы стран Азии выбирают иные механизмы: госпатернализм, национальные традиции, общинный корпоративизм, мобилизующая роль государства. Например, Китай на протяжении XX века в своем политическом развитии следовал как леворадикальному маоистскому левому радикализму, так и копированию западных форм, тем не менее вернулся к своей собственной национальной модели организации государственности.

В качестве другого обязательного элемента демократического перехода рассматривался культурный фактор. Система ценностей современного общества, согласно Г. Алмонду и С. Вербе, создается благодаря гражданской политической культуре, исторически сформировавшейся в западном мире и обеспечивающей стабильность демократической системы. Основными чертами гражданской политической культуры выступают: консенсус относительно легитимности политических институтов, терпимость по отношению к другим ценностям и интересам, компетентность<sup>10</sup>.

<sup>9</sup> См. С. И. Лунев. Социально-экономическое развитие крупнейших стран Евразии. Цивилизационный контекст. — «Восток—Запад—Россия». М., 2002. С. 161.

<sup>10</sup> См. Г. Алмонд, С. Верба. Гражданская культура и стабильность демократии. — «Политические исследования». 1992. № 4. С. 46.

Наряду с ними Алмонд предлагает более подробный перечень черт гражданской политической культуры:

- знание о политической системе, о том, что собой представляет демократия и как она функционирует в конкретной стране;

- ощущение индивидом своей политической значимости и возможности оказывать своим участием влияние на политику государства;

- признание обязательности участия в общественных делах;

- ощущение политической свободы, выражающееся в свободном обсуждении любых политических вопросов;

- готовность к кооперации с другими в политических акциях;

- гордость за демократическое устройство своей страны;

- доверие общественным и государственным институтам;

- интерес к политике, понимание ее содержания и целей<sup>11</sup>.

Помимо этого степень демократизации ставилась в прямую зависимость от типа религии. В 1988 году в 39 из 46 демократических стран господствующей религией были католицизм и/или протестантизм, что составляло 57 процентов всех стран (68), где доминировало западное христианство. Из этого делался вывод, что западная культура создает базу для развития демократии. Как враждебные для западной демократии культурные типы рассматривались конфуцианство и ислам. Однако в дальнейшем тезис о культурной однородности демократии был разрушен японским «экономическим чудом», со свойственным ему современным типом азиатской демократии. Демократическая политическая система в таком обществе представляет собой успешную адап-

тацию западной демократии к конфуцианским ценностям.

Взгляд на традиционную структуру общества как застывшую форму, противостоящую современному обществу, был поставлен под сомнение еще в первой половине 1960-х годов. Так, американский востоковед Л. Пай показал, что процессы модернизации оказываются «бесконечно более сложными, чем предполагают существующие подходы». По его мнению, в некоторых случаях вынужденная модернизация, вместо того чтобы приводить к общественному прогрессу, «может вызвать широкий спектр очень глубоких разрушительных реакций, грозящих нарушением идентичности индивидов», препятствующим «их способности к их человеческим и политическим отношениям, парализующим активность»<sup>12</sup>. Отечественный исследователь В. Можаровский замечает по этому поводу, что уничтожение религиозно-ментальных оснований государственности приводит к тому, что политическая система может сохраняться по инерции не более одного физического поколения, что приводит к неизбежному разложению политического тела<sup>13</sup>.

Со второй половины 1960-х годов начинается основательная критика теории модернизации, прежде всего тезиса о статичности традиционного общества. Было замечено, что понятия «традиция» и «современность» — в сущности разнокачественны и асимметричны, а потому они не могут составлять дихотомии противоположностей: ведь на деле традиция

<sup>11</sup> См. там же. С. 48.

<sup>12</sup> L. W. Pye. Politics, Personality, and National Building: Burma's Search for Identity. New Haven; L., 1962. P. 37.

<sup>13</sup> См. В. В. Можаровский. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. СПб., 2002. С. 16.

и современность не исключают друг друга. Любое общество представляет собой сплав традиционных черт, которые скрепляют его неповторимость и обеспечивают идентичность и синтез модернизационных основ, закладывающих ответы на вызовы современности. Так, Л. и С. Рудолф<sup>14</sup> на примере Индии и У. Рауи<sup>15</sup> на примере купеческих корпораций Ханькоу конца XIX века показали, что «традиционные институты (каста, расширенная форма семьи и т. д.) в действительности не только сосуществуют бок о бок с современными институтами, но и приспособляются к их требованиям, видоизменяясь, выступают в качестве проводников современности в условиях данной традиционной социальной организации»<sup>16</sup>.

Жесткое противопоставление традиции и современности, за которым критика справедливо разглядела европо- и капиталоцентризм, экономический и технический детерминизм, ведет к тому, что, когда в рамках теории модернизации современные общества исследуются сами по себе, в их рамках все чаще выделяются проявления традиции. Однако как только такие общества сравниваются с традиционными, то применительно к последним

специфические особенности либо изображаются в качестве остаточных явлений, обреченных в силу своей неэффективности и неспособности соответствовать императивам модернизации, либо исчезают вообще. Этому исключению традиционных черт из современности соответствует исключение современных — из традиции.

Методологический результат — аналитический разрыв между традицией и современностью. Кроме того, в объектив анализа теорий традиционного общества и модернизации попадали только те элементы азиатской реальности, которые непосред-

**Главный тезис теории модернизации гласит: все традиционные общества развиваются и становятся современными по типу западных. Однако многие явления капиталистической эпохи по своей внешней форме напоминают докапиталистические.**

ственно контактировали с Западом. Отсюда (в конечном счете) возникает парадокс: в рамках теории модернизации (и традиционного общества) поиск внутренних причин и факторов развития имплицитно, косвенно, с большей или меньшей долей осознания этого приводил к подчеркиванию факторов внешних<sup>17</sup>.

Главный тезис теории модернизации гласит: все традиционные общества развиваются и становятся современными по типу западных. Однако многие явления капиталистиче-

<sup>14</sup> См. **L. Rudolf, S. Rudolf.** The modernity of tradition: Polit. development in India. Chicago (Ill.), 1967. P. 15.

<sup>15</sup> См. **W. Rowe.** The guilds of Hankow: Change a growth in Chinese Econ. Organization. — «Papers from research conference on rural-urban networks in Chinese society». Macinac Island, 1979. P. 1—69, 169.

<sup>16</sup> См. **С. Лурье.** Историческая этнология. М., 1997. С. 172—173.

<sup>17</sup> См. **А. Фурсов.** Операция «Ориентализм». С. 22—23.

ской эпохи по своей внешней форме напоминают докапиталистические. Например, плантационное рабство в южных штатах США и на островах Карибского моря напоминает античное рабство, а латифундии испанских колоний в Америке — феодализм.

Другим достаточно банальным тезисом теории модернизации оказывается утверждение, согласно которому западная модернизация представляет собой абсолютное благо для развития любого общества. Эта трактовка подверглась критике слева вследствие появления «концепции отсталости». Латиноамериканские экономисты Р. Пребиш и А. Г. Франк, влиятельный «левый» социолог и будущий президент Бразилии Ф. Э. Кардозо указали на то, что развитие стран нельзя рассматривать изолированно. Оно в большей степени зависит от внешнего влияния, нежели от того, какое место страна занимает на «лестнице» прогресса.

В этом контексте линейно-поступательная модель модернизации не способна аналитически отразить реальные преобразования в осуществлявших переход от традиционного к современному состоянию обществах Латинской Америки, Африки, Юго-Восточной Азии и других регионов мира. Позднее эта неадекватность линейно-поступательной модели подтвердилась и опытом стран Восточной Европы и республик бывшего СССР. Многие из этих стран, пойдя по западной модели развития, оказались в ловушке политической, экономической и культурной отсталости. Слаборазвитость Латинской Америки, Африки и Азии в XIX—XX веках была обусловлена не местными («традиционными») структурами, а иностранным капиталом (мировым капитализмом), который деформировал развитие этих стран, блокировал их

нормальное капиталистическое развитие. Историческим примером такого рода девиаций выступает Аргентина, которая еще в начале XX века входила в восьмерку самых развитых стран мира.

Следующей концепцией, возглавившей наступательную волну против теории модернизации, стала «концепция зависимости». Ее основоположником стал И. Валлерстайн. Опираясь на труды французских ученых «школы Анналов», историка Ф. Броделя и антрополога-марксиста К. Меесу, Валлерстайн выработал мир-системный анализ специфики отношений между различными странами<sup>18</sup>. Исходным пунктом мир-системного подхода стали концепции зависимости. Он возник как реакция на неспособность популярных на Западе теорий модернизации решить проблемы современности, и в первую очередь — разницы в уровнях развития между «первым» и «третьим» мирами. Теории модернизации утверждали, что эти миры соотносятся как две стадии развития, то есть что «традиционные общества» третьего мира должны пойти по западному пути и превратиться в «современные общества». В противовес этому критерием мир-системы является самодостаточность ее существования<sup>19</sup>.

Однако введение в научный обиход чрезмерно обобщенного термина «полупериферия» не позволило И. Валлерстайну более разнообразно представить не-центральную зону, показать конкретное место, занимаемое тем или иным социумом в собственной системе координат.

<sup>18</sup> См. **I. Wallerstein**. World-Systems Analysis. — «Social Theory Today». A. Giddens & J. H. Turner (ed.). Cambridge, 1987.

<sup>19</sup> См. **И. Б. Орлов**. «Кривое зеркало» теории модернизации. — «Задавая вопросы прошлому...» М., 2006. С. 55.



Неудивительно, что для ученого нет разницы между Бразилией, СССР/Россией, Индией, Китаем и др. — все это «полупериферия».

К основным характеристикам политической модернизации относили следующие параметры: во-первых, растущее усиление и централизацию государственной власти на национальном уровне вместе с ослаблением традиционных ее источников родо-племенного типа; во-вторых, дифференциацию и специализацию политических институтов и, в-третьих, растущий уровень участия народных масс в политике<sup>20</sup>. Основную же часть модернизационной теории составляла концепция политического развития — одно из направлений общей теории (или подхода) развития, связанное прежде всего с институциональными переменами.

Концепция политического развития концентрирует свое внимание на институтах политической системы и их трансформации. Так, Л. Пай определяет политическое развитие как процесс перемен, характеризующийся, во-первых, усилением дифференциации политических структур, во-вторых, возрастанием способностей системы решать социальные проблемы и управлять общественными делами и, в-третьих, развитием участия и равноправия граждан при включении в политику<sup>21</sup>.

Согласно концепции политического развития политические системы современного (западного) типа характеризуются высокой степенью структурной дифференциации, в рамках которой каждый отдельный институт выполняет свою специ-

фическую функцию. В этом смысле под «развитостью» в понимании западных концептологов подразумевается наличие дробных институциональных механизмов: разделение функций между законодательными, исполнительными и судебными органами, система партий и общественных объединений, артикулирующих и агрегирующих групповые и индивидуальные интересы. В примитивных же системах управленческие функции могут быть сконцентрированы в руках традиционного вождя и его окружения<sup>22</sup>. Качество развивающейся политической системы связывается главным образом с существованием внутри нее «автономных подсистем», например суда и парламента, в определенной степени независимых от исполнительной администрации.

Таким образом, в теории политической модернизации в той или иной форме выделяются три основных типа структурных предпосылок демократии: во-первых, обретение национального единства и соответствующей идентичности; во-вторых, достижение довольно высокого уровня экономического развития; и в-третьих, массовое распространение таких культурных норм и ценностей, которые предполагают признание демократических принципов, доверие к основным политическим институтам, межличностное доверие, чувство гражданственности и др.

В 1970-х — начале 1980-х годов теория модернизации подверглась столь сильной критике, что была практически уничтожена. Но в конце 1980-х она буквально «возродилась» под названием «неомодернизация» и «постмодернизация»

<sup>20</sup> См. «Political Modernization: A Reader in Comparative Political Change». С. Welch (ed.). Belmont, 1967. P. 7.

<sup>21</sup> См. **А. А. Дегтярев**. Основы политической теории. М., 1998. С. 146—147.

<sup>22</sup> См. **Р. Х. Чилкот**. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы. М., 2001. С. 215.

в рамках концепции «демократического транзита».

Поражение советского лагеря в «холодной войне» предопределило телеологическую заданность такой парадигмы и определило победное шествие либеральной демократии во всем мире, преимущество ее перед другими формами политических режимов. Эта ценность рассматривалась как абсолютная и вневременная, универсальная для всех стран и континентов и определялась торжеством демократии как закономерного итога победы более «прогрессивного» социального строя над «менее прогрессивным». Таким образом, демократия становилась своеобразным мерилom цивилизованности и прогрессивности социально-политического строя, основой общественных отношений и их регулятором. Впрочем, ни одна из концепций демократического транзита не может адекватно описать процессы развития современных политических систем. Опыт развития «транзитных» стран свидетельствует о том, что не все из предпосылок демократии, отмеченных выше, имеются в странах, вступающих на путь политической трансформации.

Тем не менее С. Хантингтон характеризует процесс перехода коммунистических и авторитарных режимов к демократии как «третью волну» демократизации, главным содержанием которой становится распространение демократических принципов и институтов в значительной группе стран. При этом исследователь пытается доказать, что вся современная мировая история — это процесс становления и развития современных демократий, которые формировались неравномерно по странам и регионам. Для этого им вводится периодизация процесса мировой демократизации начиная с XIX

века и вплоть до распространения либеральных идей на Южную Европу и Латинскую Америку, а затем на ряд стран Азии, Центральной и Восточной Европы и СССР<sup>23</sup>.

Кроме того, политической теорией и практикой были предложены альтернативные модели мирового порядка. Широкое распространение получила концепция «растворения суверенитета», частично реализованная практикой Европейского Союза. В период президентства Б. Клинтона популярность приобрела идея «глобального демократического консенсуса», предлагавшая сделать центром принятия военных и политических действий не ООН, а «сообщество демократических стран»<sup>24</sup>.

Хантингтоновское понятие «демократическая волна» («волна демократизации») использовал также американский политолог Ф. Шмиттер. Согласно его представлениям, волна демократизации представляет собой переход группы стран на демократические рельсы, а также включает либерализацию и частичную демократизацию политической системы<sup>25</sup>. Правда, тот же С. Хантингтон фиксировал и волны отката от демократизации, однако, по его мнению, они не препятствуют распространению общего демократического движения.

Некоторые транзитологи по отношению к странам переходного периода уточняют понятие «демократии» введением определений

<sup>23</sup> См. **S. Huntington**. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman, London, 1991.

<sup>24</sup> См. **Д. Малышева**. Развивающиеся страны в меняющемся мире. — «Свободная Мысль». 2012. №7/8. С. 180.

<sup>25</sup> См. **P. C. Shmitter**. Democratization, Waves of. — «Encyclopedia of Democracy». Vol. 2. N. Y., 1995. P. 346, 14.

«молодые», «подражательные», «навязанные» и т. п., снижающими уровень демократизации категориальными идентификаторами<sup>26</sup>. Так, Л. Даймонд, говоря о демократической трансформации в ходе «третьей волны» демократизации, допускал существование такой категории «демократических режимов», которые, отличаясь от чисто авторитарных систем, в то же время не дотягивают даже до минимальной демократии<sup>27</sup>. По утверждению Ф. Шмиттера и Т. Карла, национальные различия в демократии бывают зачастую большими, чем национальные различия в политическом транзите и т. п.<sup>28</sup>

Таким образом, линейные принципы развития демократии в странах со сформировавшейся рыночной экономикой и системой западного парламентаризма показали свою несостоятельность. Сами идеологи транзитологии признавали, что варианты окончательных итогов политического транзита могут варьировать, в широком спектре — от «авторитарной реставрации» до «демократической эмансипации»<sup>29</sup>.

На самом деле демократия как система современного политического порядка не может считаться универсальной и применимой для любой страны мира, так как помимо не-

состыковки исторического опыта западных стран и модернизируемых традиционных обществ на ход, характер и итоги политического транзита оказывает влияние еще и внешний фактор, выражающийся в геополитических условиях, в которых оказываются транзитные страны в период преобразований. Наиболее распространенный способ внешнего влияния получил в транзитологии наименование «связывание условиями», что, по определению Ф. Шмиттера, означает «сознательное использование принуждения путем установления особых условий распространения выгод со стороны международных институтов»<sup>30</sup>.

Ряд российских исследователей переходных изменений в политическом процессе восприняли концепцию демократического транзита как научную истину в последней инстанции<sup>31</sup>. Эти ученые не обращают внимание на тот факт, что реальный опыт модернизационных процессов XX столетия показал: нередко внешнее влияние приводит к результатам, противоположным ожидаемым. Под вывеской демонстративных демократических институтов и либеральных их принципов функционирования может стоять механизм разрушения цивилизационных основ национальных государств в рамках процессов глобализации, которые способствуют ослаблению государственного управления, победному шествию потребительских стандартов поведе-

<sup>26</sup> См., например: **В. Васович**. Переход к демократии в посткоммунистических странах. — «Вестник МГУ. Серия 18: Социология и политология». 1998. № 2. С. 19.

<sup>27</sup> См. **Л. Даймонд**. Прошла ли «третья волна» демократизации? — «Политические исследования». 1999. № 1. С. 15.

<sup>28</sup> См. **P. Schmitter, T. Karl**. The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists: How Far to the East Should They Attempt to Go? — «Slavic Review». 1999. Vol. 53. № 1. P. 176.

<sup>29</sup> См., например: **А. Пшеворский**. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 1999. С. 92—94.

<sup>30</sup> *Цит. по:* **А. Н. Никитченко**. Транснационализация демократии (Третья волна демократизации в свете теорий международных отношений). — «Политические исследования». 1996. № 5. С. 57.

<sup>31</sup> См.: **В. Я. Гельман**. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. М., 1999. С. 16; **А. Ю. Мельвиль**. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). М., 1999. С. 98.

ния, господству надгосударственных организаций в национальных экономиках. Тем самым западный вариант демократической трансформации для многих обществ может обернуться катастрофой.

Перед современной Россией стоят фундаментальные задачи сохранения и преумножения того потенциала развития, который был создан в советский период. Дальнейшее сле-

пое следование принципам западной модернизации, оторванной от национальной почвы, может привести к растворению российской идентичности в глобальном мире, потере национальной, культурной самобытности. Поэтому обращение к национальному (советскому) опыту государственного строительства должно стать ее приоритетной концептуальной основой. ◆